

Возняк В. С., Возняк В. С., Voznyak V. S.

ВРАЗУМЛЕНИЕ КАК НЕОБХОДИМОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

ПРИВЕДЕННЯ ДО РОЗУМУ ЯК НЕОБХІДНИЙ СТАН ЛЮДИНИ

BRINGING TO REASON AS HUMAN'S NECESSARY STATE

В статье концепт “вразумление” раскрывается не как приведение всего к состоянию разума, а как обретение каждой из существенных сил человека разумности собственного состояния, меры собственной разумности. При том раскрывается сущность разумности как таковой. Утверждается, что именно разумность является такой существенной характеристикой человека и его бытия, утрата которой не остается для человека и целостности его бытия без серьезных последствий.

Ключевые слова: вразумление, разум, рассудок, разумность, чувство, сердце.

У статті концепт “приведення до розуму” (рос. – *вразумление*) розкривається не як приведення усього до стану розуму, а як набуття кожної з сутнісних сил людини розумності власного стану, міри власної розумності. При цьому розкривається сутність розумності як такої. Стверджується, що саме розумність є такою сутнісною характеристикою людини і її буття, втрата якої не залишається для людини і цілісності її буття без серйозних наслідків.

Ключові слова: приведення до розуму, розум, розсудок, розумність, почуття, серце.

The author reveals the “bringing to reason”-concept not as bringing everything to reason state but as each essential force of man getting the reasonableness of its state, the measure of reasonableness of itself. As well the author explains the essence of the reasonableness itself. The author states that the reasonableness is the one essential characteristic of man and his being, loosing which is harmful for the man and his being integrity.

Keywords: bringing to reason, reason, mind, reasonableness, sense, heart.

Начнем с того: разумен ли сам разум? Такая постановка вопроса вряд ли грешит скептицизмом или релятивизмом, легитимацией безудержного иррационализма. «Разумен ли сам разум?» – такой вопрос в первую очередь является прерогативой самого разума, который по самой своей природе вынужден время от времени (а лучше – как можно чаще) критически проверять *на разумность* форму осуществления своей активности.

Беда в том, что сам разум часто позволяет, чтобы от его имени, в его образе и подобии выступал рассудок. Разум способен «сбросить» самого себя в рассудок, а сие чревато многими неприятностями.

Рассудок и разум – не просто уровни мышления; они выступают различными способами применения *силы интеллекта* и различными способами *отношения* человека к миру, к другим и к самому себе.

Рассудок работает по правилам формальной логики, его аура – сфера *абстрактно-общего*. Разум же диалектичен про своей природе и ориентирован на *конкретно-всеобщее*. Своим основание рассудок имеет отношения приспособления и использования (он их прекрасно обслуживает); компетенцией разума (вместе с продуктивным воображением) является творческое преобразование. Рассудок всё втискивает в *собственную* схему; разум же заключается в способности преобразовывать формы, схемы, образы своей активности в соответствии с *сутью дела*.

Рассудок работает по модели «субъект-объект». Рассудочная мысль извне противостоит своему предмету. И.А. Ильин замечает: «Обычная *рассудочная* мысль образует ‘раз’; предмет её образует ‘два’. Мышление рассудка есть схождение, сопоставление, соприкосновение *двух* сторон; этот двойственный состав сохраняется на всём протяжении мыслительного процесса, который и заканчивается равнодушной, беспечальной разлукой» [6, с. 54]. Рассудок способен редуцировать до голой *объектности* любую реальность, поскольку её так легче изучить, описать и подчинить себе для *использования*.

Интенция же разума как именно разума (а не разума в образе рассудка) является не объектной, а *субъектной*: разум способен жить ритмом жизни своего предмета, идеально двигаться в нём по *его* логике и тем самым адекватно воспроизводить *сущность*. Движение разума в познании буквально «пронизано работой воображения» (И.А.Ильин). Мысль сливается с созерцанием, но не перестаёт быть мыслью. Мысль приобретает силу созерцания, а созерцание полностью отдаётся делу мысли. Созерцание и мысль не противостоят тут друг другу, как в рассудочном, отвлечённом мышлении, а своим соединением, *срастанием*, своей конкретностью и образуют разум как таковой – разум в качестве умения мыслить (=созерцать) *конкретное* и мыслить (=созерцать) *конкретно*, то есть в сращённости со своим предметом, его сущностными измерениями. Такая мысль буквально врастает в предмет, в то время как рассудок дискурсивно суетится вокруг предмета-объекта. Мысль в форме разума позволяет содержанию прорасти в саму себя, свободно и целостно, – прорасти в душу и в душе человека и найти там своё исполнение и завершение, тогда как рассудок стремится присоединить к себе предикаты объекта, – он обрастает этими “признаками”, сам оставаясь внутренне неподвижным.

Рассудочная форма не рефлектирует внутри себя как содержательно определённая, не рефлектирует субъекту, действующему в такой форме, своей культурно-человеческой, исторической определённости – она просто равнодушно применяется (именно в этом – огромная сила, могущество и преимущество рассудка, и именно в этом кроется серьёзная опасность, когда рассудок вмешивается в запрещённые для него сферы). Рассудок твёрдо придерживается именно *своей* формы (которая, разумеется, не сводится каждый раз только к формально-логическому), а потому он откровенно равнодушен к нравственному и эстетическому измерениям бытия, хотя способен весьма небескорыстно использовать так называемые «ценностные ориентации».

Разумная форма рефлектирует внутри себя своей бытийственной (субстанциальной) содержательностью; она репрезентирует субъекту его собственное культурно-историческое, человеческое бытие; она равнодушна к нравственно-эстетическим измерениям, более того – нравственное *самоопределение* личности – суверенная сфера её собственной компетенции. Поэтому разумна форма разума совпадает с *духовностью* как таковой. *Субъектная интенция* разума не позволяет в другом видеть только объект, средство; она содержательно ориентирует на внимание и уважение, сопричастность субъектности другого.

Наш рассудок есть «изумительнейшая и величайшая или, лучше сказать, абсолютная мощь» [2, с. 17]. Природа этой силы – в ориентации на абстрактно-общее и, соответственно, на использование. Рассудок не знает и не может знать своей меры, – именно поэтому он откровенно *своемерен*. Сфера абстрактно-общего вездесуща: любую конкретность всегда можно редуцировать к абстрактному. Мерять (исчислять, просчитывать, раскладывать по полочкам) всё, не ведая своей действительной (объективной) меры и пределов применения, – это могучая *сила*. Именно здесь скрыты самые существенные преимущества рассудка, который способен работать «в отрыве», самостоятельно, не считаясь с иными измерениями и проявлениями человеческого бытия. Поэтому рассудочное как таковое в своей предельной формализации способно работать и без непосредственного участия человека – в современных информационных системах и технологиях. Последние призваны радикально усилить человеческие возможности осуществления разнообразных форм деятельности, освобождая самого человека от несвойственных человеку функций. Однако, как это не раз бывало в истории, человек становится рабом своих творений, и тогда не могущественный рассудок обслуживает человеческую жизнедеятельность, а наоборот.

Вина – не в рассудке самом по себе, а именно в неразвитости (неразумности) самого разума. Рассудок не знает и знать не может своих пределов; поставить последние – дело разума. Только *разум* способен

вразумить и обуздать рассудок, задать ему цели и заставить работать на них. По своей имманентной природе рассудок – лишь Санчо Панса, и только. Прекрасно об этом сказано у Гегеля: «Рассудок есть некий придворный, который угождает настроениям своего господина; он умеет разыскать основания для оправдания всякой страсти, для всякой затеи, он является преимущественно слугой себялюбия, всегда очень проницательного в стремлении придать красивую окраску совершённым или будущим ошибкам и часто восхваляющего самого себя за то, что оно нашло для себя такую хорошую отговорку» [3, с. 58]. Итак, всё дело не в особенностях слуги, а в господине. То, что рассудок преимущественно является слугой себялюбия, – не вина рассудка, а человека, который либо редуцировал себя до себялюбия, либо не смог решительно подняться над ним. Удел рассудка – служить. Вся проблема в том, каким *целям*.

Полагание целей – суверенное право и обязанность разума. Всеми, считает Гегель, должен быть признан принцип, что «никакая история, никакой авторитет не могут ставить разуму его высшую цель» [4, с. 199]. К сожалению, разум способен терять свою суверенность, и тогда он перепоручает рассудку свои функции целеполагания. Рассудок узурпирует функции разума, который становится слугой рассудочных (то есть – узких, партикулярных, утилитарных, вещных, себялюбивых) целей. Разве история и современное состояние буржуазной по духу и формам проявления цивилизации не является ярким свидетельством такой инверсии?

Рассудок, по словам Г.С. Батищева, «позволяет использовать в формально-присвоенной, но творчески не освоенной форме гораздо большую... культуру, чем та, которая стала достоянием способностей использующего её индивида» [1, с. 408]. Иными словами, преимущество рассудка в том, что он интенсивно «питается» тем, что беспредельно превышает его. Нет смысла лишать наш почтенный рассудок этой силы; суть дела в том, чтобы это преимущество использовать для *разумных* целей.

Но ведь *использование* – это прерогатива именно рассудка! – Выходит, что если разум должен поставить границы рассудку (не только теоретически, но и практически), если разум должен не позволять использовать себя со стороны рассудка, а сам призван использовать для своих целей силу и мощь рассудка, – то разум вынужден *брать на себя определённые рассудочные функции*. По-другому не получится: разуму не сохранить свою «рассудочную девственность». Если разум сам не проявит серьёзной рассудительности, – развратный, «растленный рассудок» (П.А. Флоренский) самым непотребным образом расправится с мечтательным целомудрием беспомощного разума.

Итак, как видим, взаимоотношения рассудка и разума являются непростыми, неоднозначными. Различать рассудок и разум по одному или по

нескольким *абстрактным* критериям – не стоит, поскольку такое различие будет чревато изрядной рассудочностью. Речь должна идти о *конкретной диалектике* рассудка и разума, а диалектика никак не сводится к тривиальному «с одной стороны», «с другой стороны», «нельзя недооценивать, но и нельзя преувеличивать».

Дело, наверно, в мере *разумности* самого рассудка (не говоря уже о доминировании в разуме именно разумной формы) и в *рассудительности* (но никак не в *рассудочности*) разума. Рассудок как таковой не сводится только к действиям по алгоритму, матрице, схеме. Человеческое мышление по своей *разумной* природе является преобразованием форм, образов, схем собственной деятельности в *идеальном* плане в соответствии с содержанием реальности, или, как сказал бы Гегель, соответствии с *сутью* дела. Однако проблема состоит в том, каким является это «дело», то есть, во-первых, какая цель реализуется и, во-вторых, насколько адекватно мы проникаем в сущность реальности, в и посредством которой мы практически достигаем выполнения цели. Рассудок как «мышление вообще» (Гегель) способен к изменению, трансформации схемы действия: кто ещё лучше умеет *просчитать* ситуацию и найти наиболее короткий, оптимальный и эффективный путь к цели? *Разумность рассудка* тут заключается именно в *способности к изменению формы* активности; в то же время его неразумность состоит в равнодушии к *смысловым* измерениям бытия, поскольку эффективность используемых средств – превыше всего. Рассудку *не хватает разума* ограничивать свои претензии на эффективность, – и в этом его сила, и в этом же – его слабость и опасность. Разум же проявляет рассудительность, используя преимущества рассудка на том *отрезке пути*, где разумным будет именно *расчёт*. Но *просчётом* разума станет нарушение *меры рассудительности*. Призвание и удел разума – удерживать под своим контролем *суть дела*, меру адекватности используемых средств, меру *содержательности* самого дела. Поручая формальную сторону дела рассудку, разум *не должен терять контроль* над последним, поскольку рассудочно-*формальное* всегда рвётся на свободу только ради того, чтобы самого себя провозгласить *содержанием* и лишить свободы всё остальное.

Но ведь функции «контролёра» – рассудочны! – Значит, разуму приходится брать на себя определённые измерения рассудка, чтобы не позволять ему бесконтрольно свершать «свои дела», – то есть, разуму следует быть рассудительным не вообще, а *ради дела* (цели, смысла, содержания) *разума*. Выходит, что рассудок и разум должны определённым образом «обмениваться» функциями, работая вместе, но при чёткой субординации.

Сложность диалектики рассудка и разума состоит и в том, что их противоречивое взаимодействие может осуществляться как в нормальном, так и в превратном виде. В условиях последнего варианта рассудок выдаёт себя за разум и берёт на себя его роль и функции, и тогда сугубо рассудочное

мышление обслуживает сугубо рассудочное дело, ориентированное исключительно на «своё», а всё остальное – для использования. «Начинают господствовать абстракции за счёт конкретного, за счёт живой жизни. Потеря конкретного в абстрактном и потеря предметности в мышлении эквивалентна потере разума. Потерявший разум, к несчастью, сохраняет рассудок. Оставшись один на один с абстрактными схемами, такой персонаж формально оперирует с ними посредством рассудка. О последствиях говорить излишне» [5, с. 72]. Рассудок, потерявший разум, всё равно обслуживает определённые цели, которые положены явно *неразумным*, явно «нечистым» разумом.

Разумность – это внутренняя мера человеческого, которая коррелятивна имманентным объективным мерам самого бытия. Отрыв человеческой меры от бытийственной ведёт к торжеству своемерного рассудка. Полное, сплошное отождествление этих мер – неразумно, поскольку грешит чрезмерным рационализмом и «субстанциализмом» (Г.С.Батищев). Жёсткое противопоставление этих мер так же неразумно, поскольку заканчивается либо печальным, либо наглым иррационализмом.

Разум – не просто способность к познанию. Разум – это способность **быть человеком** во всех субстанциальных проявлениях собственно человеческого бытия.

Познание тогда **разумно**, когда осознает, какие цели при этом осуществляются, какое именно целеполагание обеспечивается познаванием, в чем необходимость именно такого, а не иного способа познания. В свою очередь, это предполагает осознание субъектом себя как универсально-исторического существа и освоение им своей транссубъективной сущности.

Человеческая деятельность тогда становится **разумной**, когда осознается не только субъективная (потребностная), но и объективная необходимость, когда субъект держит под своим суверенным контролем **меру адекватности** своей деятельности содержанию самой реальности, удерживает под суверенным контролем содержательность целей, меру их культурной субстанциальности, т. е. человечности.

Человеческая активность тогда является **разумной**, когда она доведена до осознания своей необходимости как целостного выражения и свободного развертывания универсального исторического развития – в интенции разрешения субстанциальных противоречий человеческого исторического бытия.

Человек действует **разумно** тогда, когда его деятельность глубинно причастна развитию человека как рода и развитию родового (всеобщего) в человеке.

Человечество творит свою историю **разумно** тогда, когда действует в соответствии с необходимостью продолжения развития субстанции, а не просто пользуется «благами природы».

Мое отношение к миру тогда является **разумным**, когда оно доведено до осознания и переживания необходимости раскрытия и реализации общественно-человеческого смысла, когда оно рефлектирует в себя как причастное миру человека и рефлектирует в «иное» – в миры иных субъектов. Признание бесконечности и самоценности иных субъектных миров, принципиальный отказ от монополии на субъектность – это тоже особенность собственно **разумного** отношения к миру.

Выходит, что разум, разумность является высшей, самозаконной (Кант) способностью человека. Однако разум, который ставит себя *над* всеми силами человеческой сущности и противопоставляет себя им, вряд ли будет разумным. Разум – не антагонист сердца. Человек, у которого «нет сердца», – вместо него имеет рассудок, который стал центром, сердцевинкой такого существа. Итак, рассудок способен перебирать на себя не только место и функции разума, но и сердца.

Неразумно быть слишком «разумным» – в смысле отдавать интеллекту главную роль за счёт иных измерений субъектности. Как говорит В.П. Зинченко, «слишком много разума не бывает, а головные рассудочные решения опасны» [5, с. 76-77]. Неразумно было бы со стороны разума не знать своих пределов. А что за ними? Разум не может не посягать на них, однако неразумным было бы прикладывать мерки самого разума к тому, что лежит за его границами. Мера разума – *разумная мера*, то есть имманентная той реальности, в которую входит разум, обязательно соотнося себя с *целостностью*. А существуют такие измерения целостности (как всеохватывающего, так и сугубо личностного бытия), относительно которых весьма разумным будет не речь (дискурс), а молчание, всматривание и изумление.

Разум в нас не есть нечто *готовое, осуществлённое*, которое нужно только “применить”; применяется – рассудок. Но чтобы он не использовал, не “употреблял” нас, его нужно ограничить разумом, а *самому разуму стоит войти в режим “вразумления”*. К разуму – *восходят*; сам разум есть способность к трансцендированию своей ограниченности (самоограничение разума – то же самое трансцендирование), способностью к преодолению себя, “способностью к преобразованию в новых опытах” (К. Ясперс).

Итак, вразумление – не подчинение разуму, не приведение в состояние разума, а *приведение к разумности* – как самого человеческого бытия, так и каждой сущностной силы человека. Приведение же к *разумности* означает – к своей собственной природе, к своему «понятию» (как выразился бы Гегель).

Вразумление – как *приведение в чувство* (не сведение к чувству): проснись, очнись, окстись, приди, наконец-то, в себя. Вразумление есть *прихождение в себя*, в собственно себя. А что для человека “собственно”?

Дело философии – *вразумление человека*. Приведение его в состояние разума и разумности. Ведь, как известно, именно лишение разума и есть, собственно, Божья кара. Вразумление разума есть *приведение его в чувство*. Активация разума именно в его разумности. Что есть *вразумление чувства* (сердца)? – Отнюдь не подчинение его разуму, а приведение чувства в его, чувства, разумное состояние, то есть – в *чувство* – в собственно чувство. Нуждается ли сердце во вразумлении? Еще как! Невразумленное сердце – и не сердце вовсе, а нечто иное, подмена, симулякр сердца. *Вразумление сердца* – приведение его в собственно сердечное состояние, дабы сердце становилось именно сердцем. Отчего среди людей с *глубоким сердцем* не найти откровенно *тупых*? Наверно, оттого, что **тупость** как таковая – есть исхождение исключительно от себя, от своего, – глубокое сердце и есть ум как таковой, цельный ум – или умная (софийная) цельность. Глубокое сердце не-умным не бывает. А вот ум без сердца – и не ум вовсе, подделка под него. Разум может **умирать** (и в конце-концов – умереть) не от нарушения логики или безумия, – а от *острой сердечной недостаточности*...

Вразумление воли – нахождение ее разумного состояния, адекватного природе человека, чтобы она была не просто “волюшкой моей”, **своей** волей, свое-волием (произволом), а становилась чуткой к “воле Твоей”, была бы не **свое-волием**, а **со-волием**, работала бы в режиме *со-субъектности* (термин В.А. Лазуткина).

Непременное вхождение в *состояние*, в *ситуацию* вразумления – чуть ли не единственный способ для человека *становиться* (и тем самым – оставаться) *человеком*.

Литература:

1. Батищев Г.С. Рассудок [Текст] / Г.С. Батищев // Философская энциклопедия. В 5 т. – М.: Советская Энциклопедия, 1967. – Т. 1. – С. 468.
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа [Текст] / Пер. с нем. Г.Г. Шпета // Г.В.Ф. Гегель. – М.: Соцэкгиз, 1959. – Т. IV. – 440 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Народная религия и христианство [Текст] / Пер. с нем. Е.А. Фролова // Работы разных лет. В 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1970. – Т. 1. – С. 45–86.
4. Гегель Г.В.Ф. Позитивность христианской религии [Текст] / Г.В.Ф. Гегель / Пер. с нем. Е.А. Фролова // Работы разных лет. В 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1970. – Т. 1. – С. 87–208.
5. Зинченко В.П. Проблематика мышления в развивающем обучении [Текст] / В.П. Зинченко // Развивающее образование. Т. 1. Диалог с В.В. Давыдовым. – М.: АПК и ПРО, 2002. – С. 46–102.
6. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека [Текст] / И.А. Ильин. – СПб. : Наука, 1994. – 542 с.